

— День и ночь — это очень просто. Днем светло. Ночью темно.

— Днем тоже темно, когда льется вода и стучит, — сказал Индеец.

— Все равно это день, потому что до этого была ночь.

Индеец почесал голову. Он был озадачен.

Глеб был рад, что все удалось объяснить. Глеб считал себя умным. У него на все находился ответ. Не всегда сразу, но находился.

Глеб и Индеец дружили с самого просветления. Про «дружили» тоже понял и объяснил Глеб. А Индеец почесал голову.

Так все началось.

Сегодня Глеб был встревожен. То есть сначала он понял, что нужно взять это, и это,

и еще разных, главное, чтобы верх и низ не одного цвета. Вместе они называются «цветы». А потом их отдать Ей. Не Индейцу же отдавать. А Ей всегда бродила неподалеку.

Глеб подошел и сунул цветы Ей под нос.

Ей посмотрела, принялась и скусила самую яркую головку. Прожевала, сморщилась, потом больно стукнула Глеба по уху и еще долго гналась за ним, что-то выкрикивая. Если бы у Глеба было больше времени, он бы разобрал слова. Но надо было спастись, и он спрятался в трубе. Ей за ним не полезла. В подземелья не боялись соваться только Глеб, Индеец и Фуфыврик, которого съела потом большая круглая штука.

Теперь Глеб сидел и думал. Индеец помогал, но отвлекался, чтобы есть.

Индеец — вегетарианец. Он ест траву, яблоки и мышей. Мыши — это овощ. Странный овощ, но Индейцу нравится.

— Эй, не ешь, когда я с тобой думаю! — сказал Глеб.

— Прости, очень хочется, — Индеец закинул пищащий овощ в рот и быстро прожевал. — А ты все равно думаешь не туда.

— Я туда думаю! — разозлился Глеб.

Он вытащил из ящика с дверью розовую тряпку с блестяшками, порылся еще и вынул кусок серой бумаги.

— Вот, смотри.

— Смотрю.

— На буквы смотри!

Индеец поморщился. Как читать, они с Глебом вспомнили одновременно, но Индеец буквы недолюбливал. Однажды снаружи он нашел круглый лист, в котором было написано «СТОЙ», и простоял, пока не пришел Глеб. Дорогу к этому месту они завалили, чтобы больше не попасться в ловушку.

Но сейчас Глеб был рядом, и Индеец стал читать.

— «...нении смертельного вируса не подтвердились».

— Стой! — Глеб отдернул газету, посмотрел и перевернул.

— «14 февраля. День влюбленных отмет...».

— Круто! — сказал Индеец. — А что это?

— Не знаю, — вздохнул Глеб. — Но в этот день все в восторге! Особенно девушки. И все вырезают сердечки. Дальше оторвано, и я не понял.

— Сердечки вырезают? Ты же знаешь, я не люблю! — Индеец зло покосился на газету.

— Люди были странные, — успокоил его Глеб. — Но мы не будем вырезать сердечки...

— Может, куриные и у мышей тоже что-то есть, — пошел на попятную Индеец.

Глеб кивнул и замолчал. В его правильном мире сейчас красота, птички и бабочки порхают. Все ходят, как хотят. Ей ходит ни в чём, и это круто. А когда Глеб спросил, не холодно ли так ходить, Ей не стала бить его в ухо и кусаться, а ответила, что ей так нравится.

Он рассказал Индейцу про бабочек и про Ей. Индеец почесал голову. Бабочки ему нравились. Особенно если окажется, что это овощи. Как мыши.

Ей индеец не одобрил, сказал, что она глупая и нарушает общепринятые нормы поведения. Что это за нормы, он не знает. Он нашел их в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Люди интересуют Индейца, хотя их больше нет. Индеец умный, потому что вегетарианец и у него есть книга.

У Глеба тоже есть книга. «Семейные ценности в воспитании детей 3–7 лет». Он читает каждый день и думает про слова. Некоторые линии даже повторяет про себя. Вчера он прочитал линию: «направленная на формирование мотивационных основ материнства». Линия ему понравилась.

Просветление пришло не сразу и не всем. Фуфыврик помнил, что до просветления был Ужас. А еще до того везде жили люди, про которых читает Индеец. Люди были странные, они ездили на машинах, летали в небе, а еще зачем-то ходили на работу. Фуфыврик не ходил и не мог рассказать, зачем они это делали. А может быть, у него что-то пошло не так с просветлением. Рассказывал же он, что жили люди не в подземельях, а в «домах». В дома Глеб и Индеец залезали, но там неудобно и страшно. Можно упасть с большой высоты через дыры в стенах. Их Фуфыврик называл «окна», а потом его съела большая круглая штука.

— Надо посоветоваться с Ки, — вдруг говорит Индеец.

С ним бывает. Он не умеет, как Глеб, понимать любые слова, зато иногда знает, что делать. Глеб думает, это потому, что Индеец однажды чуть не съел книгу. Не ту, которая про людей, а другую. После Ужаса Индеец «очнулся» с ней в зубах. На вкус книга была такой противной, что он тут же ее выплюнул. Книга раскрылась на словах «Мировоззренческая функция — это особая реальность». Тогда он очнулся совсем. И сейчас он прав.

— Точно, — говорит Глеб. — Надо посоветоваться с Ки. Как я мог забыть!

На самом деле Глеб помнит про Ки. Просто ему не хочется. Ки — это далеко. Это по мосту, где тоже можно свалиться с высоты. И вообще, пока доберешься с этого берега, где живут они с Индейцем... мало ли что случится. И вода.

Глеб очнулся рядом с водой. Где — точно не помнил. Помнил рыб. Как они мелькали плавниками, пробивали поверхность острыми клювами, уходили в темную глубину и снова возвращались. Дымный шар солнца висел в небе, и вода делалась блестящей. Глебу было жаль рыб, жаль, что они не могут бросить свою воду и выбраться на твердые надежные камни. Рыбы странные, они живые.

Эта мысль взволновала. Живые! — как люди когда-то.

— Пойдем! — тянет Глеба за руку Индеец. Он уже собрался. В одной руке книга, в другой маленькая круглая штука с овощами. Овощи пищат и скребуются.

Глеб берет свою книгу и открывает. Новая линия: «культивируемая в обществе совокупность представлений о семье». Он читает вслух. Индеец чешет в затылке, замирает, чешет еще раз.

— Надо идти, — наконец говорит он и первым лезет в трубу.

Глеб вкладывает листок с 14 февраля в книгу и лезет следом. Это значит «культивируемая в обществе».

«14 февраля. Я должен устроить 14 февраля...» — думает он, когда они лезут через мост. Далеко внизу плавают живые рыбы.

— Может, не будем? — спрашивает Индеец, оборачиваясь. Он тоже боится. — Я слышал, бывает день независимости или де... демонстрация.

— А что такое демонстрация?

— Не знаю, — Индеец нервно зажевывает овощем.

— Вот видишь! А надо 14 февраля.

И они ползут дальше. Впереди самое страшное место. Огромная дыра, которую надо обползать по самому краю. Из-за дыры на мосту всегда пусто. Глеб с Индейцем заглядывают за край. Внизу беспокойно ходит туда-сюда поверхность воды. Вода тоже была живая.

— Рыбы не видно, — делает вывод Индеец.

— Высоко. Такая, чтоб видно было, тут не водится, — объясняет Глеб, а про себя думает, что откуда-то знает, что рыбы бывают не просто большие, а огромные.

Шар наверху укатился за тучу и стал пятном, когда они добрались до приметной лестницы, нижний конец которой терялся в гигантских лопухах. Они спустились вниз и обнаружили, что прямо на тропе лежит пузом кверху маленькая девочка и болтает ногами.

Индеец потянулся почесать в затылке, но передумал. Из-за самого крупного лопуха, оплетенного ползучим плющом, выглянула голова мамы с длинными, утыканными репейниками лохмами. Дети с мамами — это теперь редкость, почти не встречаются. Повезло Ки.

Путники присели рядом с девочкой.

— «Мы говорим о кризисе цивилизации, бездумном отношении к природе, отсутствии моральных ценностей в обществе. Как это изменить? Только воспитав новое поколение, которое сможет это новое общество построить!» — быстро проговорил Глеб подходящую линию.

А Индеец добавил:

— У тебя ребенок. Мы пришли. Его зовут Глеб, а меня — Индеец. На нашем берегу нет детей.

— Меня зовут Ли. А дочку никак не зовут.

Она принялась и выбралась из зарослей целиком. На ней обнаружилась оранжевая фуфайка с удивительным словом «ПЕРДОРСТРОЙ» на груди.

— А вы куда? — спросила Ли подозрительно.

Индеец развел колени в стороны и ткнул пальцем в Глеба

— Он ищет 14 февраля. Знаешь что-нибудь?

Ли подумала.

— Нет, не знаю. Может, оно тут и не водится. Я бы знала, я много охочусь.

Девочка, увидев, что мать не собирается обратно в заросли, тут же залезла к ней на колени и вцепилась в волосы.

— А я вегетарианец. — Индеец на всякий случай прикрыл голову руками.

Он очень гордился тем, какие светлые и длинные у него волосы.

— Повезло. А я не могу, она много ест, — Ли кивнула на дочь. — А еды мало.

— Мы не охотимся, — заверил ее Индеец. — Мы ищем праздник.

Ли посмотрела на них недоверчиво.

А Глеб из разговора выпал. Рядом — он это знал — текла река. Большая. Он понял, что большие реки текут с гор. И тогда они бурные и злые. Что такое горы, пока не важно. А кроме рек есть озера и пруды. И есть море, но оно другое и далеко. И оно соленое, вроде, так показалось.

— Я не знаю. Я с праздниками не знакома, — решительно сказала Ли и сощурилась. — У вас есть еда?

* * *

Глеб и Индеец побежали, спотыкаясь. Упав в третий или четвертый раз, Глеб вспомнил, что такая дорога называется железной, а квадратные штуки поперек — шпалами. Вскоре дорога нырнула в дыру, почти такую же, как их, домашняя, только много больше.

Тоннель — понял Глеб. Где нет света, это тоннель.

Тоннель зарос плющом, и там бродили тени. Индеец на бегу озирался по сторонам и свистел. В ответ из темноты тоже свистело. Спереди быстро приближалось светлое пятно выхода. И внезапно стало страшно. Глеб остановился и огляделся. По сторонам ничего, только плесень и паутина. Тогда он поднял голову вверх и увидел. С потолка на него смотрела огромная-огромная нарисованная рыба. Глеб почувствовал, как к горлу поднимается комок жути. Что это? А еще там в углу за трубами? Еще одна.

— Ты чего? — спросил Индеец.

— Страшно... — Глебу показалось, что потолочная рыба шевелит плавниками.

— Не... — отмахнулся Индеец. — Темно только, и бежать надо, а то к Ки не успеем.

Глеба вдруг отпустило. И чего он боялся? Может, проголодался просто? С ним такое иногда случалось. Так ели же недавно.

На выходе из тоннеля они спугнули птицу. Она взлетела, захлопав крыльями и закрипев, как ржавая железяка

— Видел! — восхитился Индеец.

— Улетела.

— Ага. Вот бы тоже... летать. Как люди.

Глеб не ответил. Он думал о железной дороге. Сколько бы они ни шли или даже ни бежали, все равно рельсы не кончатся, будут тянуться вперед.

— Глупые люди делали, идти неудобно, — прокомментировал Индеец. — А если не надо прямо, то вообще...

— Тсс, тихо!

Индеец застыл. Глеб лег и приложил ухо к рельсу. Ему вдруг почудилось, что идет электричка. Что это и как определить, он пока не знал, но по ощущениям все сделал правильно.

Всю оставшуюся дорогу Индеец пытался выяснить у Глеба новые смыслы, но тот отмалчивался. Его личный мир раздвоился. Вот он тут, идет с другом к Ки, и одновременно вокруг много горящих лампочек, ползет зеленая гусеница поезда, и рыбы.

К приметной трубе, которую глупые люди зачем-то задрали в небо, так что по ней совсем нельзя ходить, они добрались к закату. За трубой начинался «ЗАВОД МАШИ». Огромные красные буквы криво торчали над воротами. В обе стороны, на сколько хватало глаз, тянулся серый забор с ржавыми колючками сверху.

Небо быстро темнело.

— Не успели, — сказал Индеец, — где мы искать его будем?

Ночь была похожа на кошку с желтыми глазами.

— Ки! — закричал Глеб. — Ки! Мы пришли!

— Слышу! — раздался голос, от одной из людских машин, стоявших за воротами, показалась голова. Волосы на ней были обраны на макушке в метелку.

— Слышу. Чего пришли?

В городе мало кто не знал Ки. Он был старше и умнее всех. И очнулся даже раньше Фуфыврика. И конечно, его не съела большая круглая штука. Ки сам бы ее съел, если б захотел.

Ходили слухи, что Ки своими глазами видел все безумие, творившееся до Ужаса. Видел, как люди и еще человеки убивали друг друга и ели. Видел, как разучились ходить, как лакали жадными языками воду из луж. А потом совсем забыли всё и умерли.

Ки окинул гостей недобрым взглядом и пукнул.

— Мы спросить хотели, — заторопился Глеб. — Что такое есть 14 февраля? Нам очень надо.

Ки пукнул еще раз.

Над веточками потянулся дым и показались язычки пламени. Сегодня Индейцу долго не удавалось придумать костер. Устал потому что. Вокруг было совсем темно. Где-то плескалась рыба. Ки сидел в кресле и наблюдал, как гости суетятся. Когда огонь стал ярким и большим, он, наконец, кивнул.

— Очень хорошо, — сказал Ки. — Про 14 февраля я не знаю. Чувствую, что это было важно для людей, да. Вы дали мне газету, значит, важно. В газетах только про важное писали.

— Это вообще когда было? — спросил Глеб.

Ки замолчал, закрыл глаза и захрапел.

Глеб и Индеец посидели молча, подождали.

— Как думаешь, он собирает свою внутреннюю энергию, чтобы проникнуть сквозь время и рассказать нам, как все было на самом деле? — спросил Индеец.

Глеб пожал плечами. Ему упорно заглядывала в глаза ночь, а он пытался не смотреть туда, где она сидит.

— Ладно, — сказал вдруг Индеец. По его лицу плясали тени и блики огня. — Хочешь, кое-что расскажу?

— Давай, — согласился Глеб.

— Я когда первый раз очнулся, у меня книги не было. Зато я съел кого-то. Такого же, как я. Маленького. Как люди эти, пока не вымерли. Очнулся, смотрю, а я ногу грызу. Я испугался, вот и все.

— Что все?

— Вот и стал вегетарианцем.

— Надо поспать, — сказал Глеб после паузы. — День будет опять...

В небе взошла большая круглая штука, от которой кто-то, может быть Ки, откусил почти половину. Света она давала немного, но наводила на всякие мысли. И сама, наверное, думала. Но у нее не было рук, чтобы поймать маленьких, лежащих у костра. Она могла только смотреть.

С этой мыслью Глеб заснул, и ему приснилось, что он, стоя на четвереньках, гложет маленькую ногу, а на это с ужасом глядит Индеец. Глебу стало стыдно, он дернулся, нога выпала, и сон кончился.

Было светло. Индеец еще спал, положив руку под голову. Кресло Ки пустовало. По небу тащило крупные пухлые облака. Но облака не любили ходить порознь. Раз пришли на небо, обязательно затянут все вокруг.

За спиной раздался плеск, как будто река за ночь подкралась совсем близко. Глеб обернулся и успокоился. На крыше машины в нескольких метрах от него стоял Ки и увлеченно мочился в сторону города на другом берегу. Наконец струя иссякла, и Ки обернулся.

— Хороший день, — сказал он.

— Облака, — сказал Глеб осторожно. Он очень уважал Ки, но вдруг тот просто не увидел.

— Все равно. Иди-ка, я расскажу, что надо сделать, чтобы получилось 14 февраля.

— А как же Индеец? Он спит, его нельзя будить, вдруг он не вернется к телу?

— Ты ему расскажешь.

Ветер развеивал волосы Ки, и Глебу казалось, что они живые.

Ки начал:

— Когда я спал, я спросил у себя, как быть тебе в этой ситуации, что сделать, чтобы получилось 14 февраля? И я ответил себе. Плыть. Вам нужно переплыть реку. И тогда 14 февраля придет.

Глеб вздрогнул.

— А если не доберемся? — осторожно спросил он.

— Не переплывешь, и 14 февраля не будет. Так я себе сказал.

* * *

Индеец у потухшего костра дернулся и открыл глаза. Глеб сидел рядом и смотрел в небо.

— Ки ушел?

— Ушел, — ответил Глеб. — Тебе не снилось, как я ем ногу?

— Нет. Вообще ничего не снилось. А что сказал Ки?

— Нам надо переплыть реку, и тогда все будет. И 14 февраля тоже.

Индеец засомневался, но быстро взял себя в руки. Сказал только:

— Я плавать еще не пробовал ни разу. Ты думаешь, мы справимся?

— Придется. Иначе никто не услышит про 14 февраля, никто не будет в восторге.

— Когда плывем? — Индеец принял решение.

Река нахмурилась, и небо тоже. Гром разлетелся по округе. Друзья вышли к воде. Они справятся. Они принесут миру 14 февраля. Хорошему миру, где больше нет глупых людей. Правда, нет и много чего еще. Но это не важно. Главное захотеть, и все получится. Всегда все получается.

Глеб думает про слова и понимает смысл. Индеец думает о костре, и костер загорается без всяких дурацких спичек. Индеец даже не знает, что такое спички и зачем они нужны. И так со всем и со всеми. Когда хочется есть, появляются фрукты и овощи. Или всякое другое, разное. Самые глупые, те, кому не досталось просветления, едят друг друга. Кто-то вообще не ест, просто бродит и думает. Но не говорит ни с кем. Или, как Ки, сидит у трубы и помогает.

Если хочется ценностей, хоп, и вот они. Правда, Глеб не разобрался, что с ними делать. Потом разберется. Главное, что человечества, которое было, хоп, и нету. Пере стало быть проблемой. Или просто забыло, что такое люди.

Последнюю мысль Глеб запомнил, но додумывать не стал. Потом. Все потом!

Он погрузился в холодную воду по пояс, потом по грудь. Он знал, что надо двигаться, иначе утонешь. Он начал перебирать руками и

ногами, выходило не очень хорошо, но какая-то сила уже тащила его от берега. Он повернул голову. Индеец тоже плохо, но плыл.

— Я забыл книгу! — крикнул Индеец. — Как я теперь бу-ду!

— Ничего, потом... придем за ней!

— Но я же... про людей еще не все...

Они пылили, как могли, по-собачьи, по-человечьи. Глеб чувствовал, что небо смеется над ним быстрыми улыбками голубых молний.

И хлынул ливень, и стало непонятно, где верх, а где низ.

Глеб закрыл глаза и пошел ко дну.

* * *

Глеб стоял на остановке и злился на нее. Девять, нет, уже девять ноль пять, а обещала в половине. Вечно она опаздывает. Февральский слякотный город жил своей обычной жизнью. Гудели машины, намертво впаивные в вечернюю пробку, люди торопились, кто домой, кто по делам, бежали под моргающий глаз светофора. Кто-то кому-то махал в толпе.

Вечер. 14 февраля. Глеб закурил и плотнее запахнул букет полой плаща. Если бы пришел без цветов, она бы обиделась, это точно.

— Огоньку не дадите? — раздалось над ухом.

Глеб обернулся. Перед ним стоял улыбающийся парень со светлыми волосами.

— Держите.

— Праздник... Как перед войной! В магазине ничего нет... даже спичек.

— Держи зажигалку. У меня запасная.

— Спасибо!

Пошел снег. Мимо прогрохотал трамвай. Цветы под плащом, наверное, совсем съезжились.

И тут появилась она. Она бежала и размахивала сумочкой. Глеб выплюнул сигарету и пошел навстречу, улыбаясь. Вся злость и все раздражение делись куда-то, как и не было их.

14 февраля все-таки.

Река вливалась в уши, нос, рот...